

Екатерина
Мордвинцева

Два *неадекват*
на сто квадратов

Екатерина Мордвинцева

Два неоеквата на сто квадратов

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Два неodeквата на сто квадратов / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

24 декабря 2020 года. «Ну, вот и я докатилась до того, чтобы начать вести дневник. Но все же я считаю, что лучше начать делать это на бумажных страницах, а не на физиономии некоторых индивидов. Ведь еще вчера я была нормальной уравновешенной девушкой, а уже сегодня чувствую себя настоящим потрошителем, готовым пойти и расчленить этого, даже язык не поворачивается назвать его человеком... Да, дорогой мой дневник, вот такая у тебя кровожадная хозяйка. А все почему? Чувствую, что очень нужно мне выплеснуть все это из себя, иначе взорвусь...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

24 декабря 2025 года

«Ну, вот и я докатилась до того, чтобы начать вести дневник. Но все же я считаю, что лучше начать делать это на бумажных страницах, а не на физиономии некоторых индивидов. Ведь еще вчера я была нормальной уравновешенной девушкой, а уже сегодня чувствую себя настоящим потрошителем, готовым пойти и расчленить этого, даже язык не поворачивается назвать его человеком... Да, дорогой мой дневник, вот такая у тебя кровожадная хозяйка. А все почему? Чувствую, что очень нужно мне выплеснуть все это из себя, иначе взорвусь...»

Глава 1

23 декабря 2020 года. Где-то над Атлантикой.

Кирилл Орлов прижал лоб к холодному иллюминатору. Внизу, под крылом «Боинга», простиралась бесконечная, колышущаяся мгла облаков, подсвеченная луной. Последние два года его жизни уплотнились в папку с документами в багажном отделении и в ноутбуке под сиденьем. Два года калифорнийского солнца, выжженных холмов, запаха эвкалипта и океанского бриза, врывающегося в открытые окна его лофта в Санта-Монике. Два года бегства.

Он не сбегал. Он уезжал. Развиваться. Перенимать опыт. Строить карьеру. Так он объяснял это отцу по звонку раз в неделю, матери — в еженедельных емейлах с фотографиями. Так он внушал себе, засыпая под непривычный гул большого города, а не под убаюкивающий шепот берез за окном загородного дома.

Но в тишине, вот такой, на высоте десяти тысяч метров, когда даже шум двигателей превращался в белый шум, правда вылезала наружу, холодная и неумолимая. Он бежал. От призраков. От воспоминаний, которые пахли не океаном, а дешевым парфюмом Алины и предательским блеском в глазах лучшего друга, Дмитрия. От ощущения, что все, чем он гордился — статус в университете, начинающийся бизнес, любовь красивой девушки — оказалось картонным домиком, который рухнул от одного неверного дуновения. Он сбежал, оставив отцу разгребать последствия того провального совместного проекта, в который они вложились вдвоем: он, отец и Дмитрий. Отец вытащил его, как всегда. Но цена была — молчаливое разочарование в глазах человека, который всегда верил, что его сын сильнее.

И вот теперь он летел обратно. Не потому, что исцелился. А потому, что у отца «здоровье пошатнулось». И потому, что фраза «кому я все это оставляю?» прозвучала не как вопрос, а как приговор. Он был единственным сыном. Долг, накрывший его с головой, был гуще и липче самого плотного смога над Лос-Анджелесом.

Самолет тряхнуло в воздушной яме. Кирилл закрыл глаза. За два года он отвык от русской зимы. От этого специфического, пробирающего до мурашек в душе холода, который ждал его за иллюминатором. В Шереметьево было минус пятнадцать. В Санта-Монике сейчас +22, и Найджел из соседнего дома наверняка жарит на гриле стейки, заливая их крафтовым пивом.

«Добро пожаловать домой, Кирилл», — мысленно произнес он с горькой усмешкой.

То, что его ждало в Шереметьево, превзошло все его самые пессимистичные ожидания. Мороз ударил в лицо, как пощечина, едва он переступил порог терминала. Воздух был густым, колючим, обжигал легкие. Он судорожно поднял воротник кашемирового пальто — последней импульсивной покупки в Rodeo Drive, которая сейчас казалась смешной и беспомощной. За ним тянулся единственный, но внушительный чемодан — вся его американская жизнь в сжатом виде.

Такси он поймал быстро. Машина пахла старым табаком, дешевым освежителем «Хвоя» и чем-то кислым. Водитель, мужик лет пятидесяти с лицом, словно высеченным из гранита, бросил на него оценивающий взгляд в зеркало.

— Куда?

— «Парк Легенд», на Садовом кольце, — ответил Кирилл, стараясь говорить без акцента, который он мог невольно подхватить.

— О, пафосненько, — фыркнул водитель и резко тронулся с места, подрезая какую-то «Тойоту».

Москва проносилась за окном. Она не изменилась. Или изменилась, но в худшую сторону. Больше рекламы, больше ярких, кричащих билбордов, больше пробок. Серые, заснеженные крыши, грязные сугробы на обочинах, спешащие, озабоченные люди. Гигантские елки на площадях, увешанные мишурой и шарами, выглядели неуместно-театрально, как бутафорские декорации к празднику, в который уже никто не верил.

Он чувствовал, как внутри него нарастает волна тоски. Не ностальгии — нет. А именно тоски. Тоски по простору, по другому ритму, по ощущению, что ты можешь быть кем угодно, а не только сыном своего отца, не только парнем, которого обманули, не только беглецом.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от отца: «Встретим?» Кирилл быстро ответил: «Не надо, сам доеду. Спасибо». Он не мог видеть отца сейчас. Не мог выдержать его взгляда, в котором будет читаться: «Ну что, сдался? Вернулся?».

Через полтора часа, которые показались вечностью, такси свернуло в знакомый, отделанный гранитом въезд в жилой комплекс «Парк Легенд». Отец купил ему эту квартиру на последнем курсе университета. «Инвестиция в будущее, сынок. И чтоб под боком был». Тогда Кирилл был на седьмом небе. Теперь вид этих окон, темных и безжизненных, вызывал лишь тяжесть в груди.

Подъезд был тих и безлюден. Дорогой ремонт, мрамор, зеркала, запах чистоты. Он вздохнул с некоторым облегчением. Здесь, в этой капсуле благополучия, можно было попытаться отгородиться от внешнего мира. Хотя бы на время.

Лифт бесшумно поднял его на восемнадцатый этаж. Двери открылись. И тут его спокойствие было грубо нарушено.

Из квартиры прямо напротив, с номером 182, вылетело нечто. Не человек — комок цвета и движения. Огромный розовый пуховик, шапка с помпоном, гигантский шарф, закрывающий все лицо, кроме глаз, широко раскрытых от испуга. Это существо, не глядя, пронеслось мимо, чуть не сбив его с ног, прошипело что-то нечленораздельное и юркнуло в лифт, створки которого мгновенно сомкнулись, унося этот вихрь вниз.

Кирилл замер, ошеломленный. «Что за...» Он покачал головой. «Весело, однако». Соседи. Он почти забыл, что это такое. В Америке у него были соседи, но их присутствие ограничивалось вежливыми кивками у почтовых ящиков.

Он открыл дверь в свою квартиру, 181. И обалдел.

Чистота. Не просто чистота. Стерильность операционной. Паркет блестел, как зеркало. В воздухе витал едва уловимый запах лимона и свежего белья. Все было расставлено по линейке. Мать. Конечно. Она не просто «наводила марафет». Она совершила ритуал очищения. Он представил, как она, в своих белых перчатках, с особым рвением вытирала пыль с полок, которые и так не знали пыли. Ее любовь всегда была тотальной. И немного удушающей.

Он собирался вздохнуть с облегчением — наконец-то тишина, покой, можно прийти в себя — как вдруг до его слуха донесся звук.

Сначала приглушенный, далекий. Потом ближе. Нарастающий. Зловещий, методичный. БУМ-БУМ-БУМ-БУМ. Пауза. БУМ-БУМ-БУМ.

Перфоратор. Он бил точно в такт начавшей пульсировать в висках боли. И бил он явно из-за стены, смежной с его гостиной. Из квартиры 182. Из логова того самого розового комка? Нет, не может быть. Тот выглядел как подросток. Это, должно быть, рабочие.

Ярость, тихая и глухая, подкатила к горлу. Ремонт. В канун Нового года. В восемь вечера. Он сбросил пальто, прошел в гостиную, прислонился лбом к холодной, слегка вибрирующей от ударов стене. Сквозь гул можно было разобрать голос. Мужской. Напевал что-то. Кирилл прислушался. Да не может быть.

«Du hast mich gefragt, und ich hab' nichts gesagt...»

Rammstein. «Du hast». Иронично. До боли иронично. Одна из немногих групп, что он слушал и там, и здесь, связывая два мира. Но сейчас этот хриловатый, фальшивящий подпевок был похож на насмешку. На саундтрек к его возвращению в ад.

Он продержался час. Час, за который он принял душ, пытаясь смыть с себя дорожную грязь и чувство полной безысходности. Час, за который он открыл холодильник, забитый мамскими яствами, и понял, что не может проглотить ни куска. Час, за который перфоратор, наконец, утомился.

Наступила тишина. Блаженная, хрупкая. Кирилл повалился на диван в гостиной, закрыл глаза. Может, еще не все потеряно. Может, завтра...

И тогда началось нечто новое.

Сначала несколько неуверенных аккордов. Потом пауза. А потом — настоящая какофония. Кто-то с яростью новичка, не чувствуя ни ритма, ни мелодии, принялся терзать струны акустической гитары. Звук был не просто громким и бездарным. Он был агрессивным. Настойчивым. Он вгрызался в сознание, царапал по нервам, как ножом по стеклу.

Это уже было слишком. Слишком. Кирилл вскочил, шагнул к стене, отделявшей его гостиную от соседской спальни (так, по крайней мере, располагались комнаты в его квартире). Он собрался было стучать, но остановился. Кулак сжался в воздухе. Нет. Он не будет опускаться до криков и стука по стенам. Он не дикарь. Он две недели тут пробудет, максимум — месяц, разберется с делами отца и... И что? Вернется? Вряд ли. Но и воевать с соседом-подручником он не намерен.

Он надел шумоподавляющие наушники, включил в них свою музыку — ту же Rammstein, но в качественной, мощной записи. И попытался заснуть. Глухой, назойливый вой все равно пробивался сквозь барьер. Он лежал и смотрел в темноту, чувствуя, как его идеальный, отлаженный американский мир трещит по швам с первой же минуты на родной земле. Под гитарный вой соседа.

В тот же вечер. Квартира 182.

Анастасия Соколова танцевала по только что вымытому паркету в одних носках. Ее волосы, еще влажные после долгого, праздничного душа, были собраны в небрежный пучок. В руках она крутила бокал с безалкогольным сидром. Сегодня был день ее независимости. Официальный.

Сегодня она провела первую ночь в своей собственной квартире. Не в комнате в родительском особняке в Барвихе, не в общежитии, куда она съехала на последнем курсе из принципа, а в своей, выстраданной, вымоленной двушке в самом центре Москвы.

Ремонт длился все лето. Она выложила историю почти каждого этапа: «Выбираем плитку для ванной!», «А вот и паркет уложили!», «Мой будущий вид из окна на закате». Родители, особенно отец, слегка ворчали на «ненужную самостоятельность», но в глубине души, она знала, гордились. Дочь не сидит на шее, дочь строит свою жизнь. Пусть и с их ощутимой помощью.

Все вещи еще не были разобраны, коробки стояли штабелями в прихожей, но спальня и кухня были обустроены идеально. Особенно спальня. Большая кровать с ортопедическим матрасом, туалетный столик с трюмо, и главное — тишина. Гробовая, абсолютная тишина. За стеной, как она знала, жила одинокая пенсионерка Людмила Петровна, которую она видела пару раз — тихая, интеллигентная женщина с сумкой-тележкой. Идеальный сосед.

Настя потянулась, удовлетворенно щелкнув позвоночником. Завтра предстоял первый полноценный рабочий день в отцовской фирме на новой, «взрослой» должности. Не стажер,

а младший аналитик. Она немного побаивалась, но больше — предвкушала. Наконец-то она докажет отцу, что может не только тратить его деньги, но и приносить пользу.

Она допила сидр, поставила бокал в пустую пока посудомойку и направилась в спальню. Прощлась рукой по шелковистой поверхности пододеяльника. Ее царство. Ее крепость.

Она легла, выключила свет и уткнулась лицом в подушку. И почти сразу же начала проваливаться в глубокий, заслуженный сон.

Ее разбудил звук. Не резкий, а глухой. Как будто что-то тяжелое упало за стеной. Настя нахмурилась во сне. Потом еще один звук. Шаги. Тяжелые, мужские. Неуверенные, словно кто-то бродил по комнате впотьмах.

Она открыла глаза, прислушалась. Может, показалось? Может, Людмила Петровна что-то уронила?

Тишина. Долгая, напряженная. Настя уже начала снова засыпать, как ее сознание пронзил новый звук.

Несколько неуверенных, дребезжащих аккордов на гитаре. Потом пауза. И... вой. Настоящий, душераздирающий вой, когда кто-то без слуха и совести яростно дергает струны, пытаясь изобразить нечто мощное, а получается лишь визгливая пародия на музыку.

Сердце Насти упало куда-то в пятки. Она села на кровати. Это что такое? Откуда? Звук шел явно из-за стены, смежной с ее изголовьем. От Людмилы Петровны? Нет, не может быть.

Вой продолжался. Назойливый, агрессивный, заполняющий собой все пространство спальни. Настя зажмурилась. «Успокойся, — сказала она себе. — Наверное, у кого-то гости. Сейчас перестанут».

Но «сейчас» не наступало. Прошло пять минут, десять. Гитара не умолкала, а, казалось, лишь набирала обороты. Играющий явно входил во вкус.

Терпение Насти лопнуло. Она встала, подошла к стене и ударила по ней кулаком. Раз. Два. Три.

Музыка на секунду смолкла. Настя затаила дыхание. И тут же гитара завывала с новой силой, как будто в ответ на ее вызов.

В ее груди что-то оборвалось. Холодная, ясная ярость затопила сознание. Так. Хорошо. Если на словах (или на стуке) они не понимают...

Она прошла на кухню, где среди коробок лежала распакованная посуда — подарки от родственников на новоселье. И там, завернутая в пупырчатую пленку, лежала она. Тяжеленная, чугунная сковорода от мамы. «Настоящая хозяйка, дочка, должна иметь хорошую сковородку. На всякий случай». Мамина философия была проста: все в жизни можно пережить с помощью хорошей еды и крепкой посуды. Сегодня сковороде предстояло выполнить свою миссию.

Настя сняла пленку. Сковорода лежала в ее руках увесисто, почти зловеще. Она вернулась в спальню. Вой гитары, казалось, насмехался над ней, над ее тишиной, над ее первым вечером. Она занесла сковороду, как топор, и изо всех сил, со всего размаху, шарахнула ее гладким дном по стене.

Эффект превзошел все ожидания.

Грохот был не просто громким. Он был вселенским. Казалось, содрогнулись не только стены, но и сам фундамент дома. Звон стоял в ушах. В соседней квартире что-то звякнуло и упало. И, о чудо, гитара наконец-то умолкла. Воцарилась оглушительная, звонкая тишина.

Настя стояла, тяжело дыша, все еще сжимая ручку сковороды. И вот тогда из-за стены взорвалось.

— АХ**ЛИ! КТО ТАМ, СУКА, СОВСЕМ ОХ***ЕЛ?! — заревел мужской голос, хриплый от бешенства. Совершенно незнакомый голос. Грубый, низкий, напитанный такой лексикой, что у Насти вскочили мурашки по коже. — ТЫ ЧЕ, СТЕНУ РЕШИЛА РАЗНЕСТИ, ДЕБИЛКА? ИДИОТКА!

Она отшатнулась от стены, как от огня. Это был не подросток. Это был взрослый мужчина. И он был в бешенстве. Но и ее собственная ярость еще не улеглась. Адреналин толкал ее вперед.

— САМ ТЫ ИДИОТ! — крикнула она в стену, удивляясь собственной дерзости. — ТРИ ЧАСА НОЧИ! ИГРАТЬ ВАМ НЕ НАДОЕЛО? УЧИТЕСЬ СНАЧАЛА, БЕЗДАРЬ!

С той стороны что-то грохнуло. Потом тяжелые, быстрые шаги. Через мгновение в ее входную дверь затряслись так, что звонко зазвенел хрустальный леденец, висевший на ручке из суеверия.

Сердце Насти заколотилось, выпрыгивая из груди. Она подкралась к двери, встала на цыпочки и заглянула в глазок.

И обомлела.

На площадке, подбоясь, дыша паром от ярости, стоял он. Не мальчик. Мужчина. Лет под тридцать. Очень высокий, под метр девяносто, с плечами, которые, казалось, не помещались в дверном проеме. На нем были только черные спортивные штаны и простая серая футболка, натянутая на торс, от которого у любой нормальной девушки перехватило бы дыхание. Рельефный пресс, мощные бицепсы... Он был построен, как боец. Темные, почти черные волосы были растрепаны, будто он только что вскочил с постели. И лицо... Господи, лицо. Оно было... красивым. Даже очень. Если бы не искажала его чистейшая, неподдельная злоба. Резкие, словно вырубленные скульптором скулы. Темные, густые брови, сведенные в одну грозную стрелу. Стиснутые, с тонкой, упрямой складкой губы. И глаза. Даже через искажение глазка она разглядела их цвет — ярко-зеленый, как молодая трава на весеннем солнце. Но сейчас эти глаза пылали таким адским огнем, что Настя невольно отпрянула.

— Открывай, тварь! — он ударил кулаком по двери, и та задрожала, как в лихорадке. — Я тебе щас, бл%дь, объясню, как по стенам бить! У тебя крыша поехала совсем!

— ИДИ ТЫ! — выкрикнула она из-за двери, стараясь, чтобы голос не дрожал, хотя коленки уже подкашивались. — САМ ИДИ И ГИТАРУ СВОЮ ЗАТКНИ! ИНАЧЕ Я В ПОЛИЦИЮ ЗВОНЮ!

— ЗВОНИ! — проревел он, и его голос, казалось, проник сквозь стальную дверь. — Я ИМ ПЕРВЫЙ РАССКАЖУ, КАК ТЫ ЗДЕСЬ КВАРТИРУ РАЗРУШАЕШЬ! ПСИХИЧКА БЕШЕНАЯ!

Перепадка длилась несколько минут. Настя, сама не ожидая от себя, парировала его ругательства, ее слова становились все острее, злее. Ее трясло — и от страха, и от дикой, неконтролируемой ярости. Этот тип казался воплощением всего, что она ненавидела: хамство, неуважение, тупая мужская сила. Он был способен выломать эту дверь. Она это чувствовала.

И вдруг его крики оборвались. Раздался дикий, агрессивный рингтон — отрывок из «Feuer Frei» Rammstein. Он выругался, достал телефон из кармана штанов.

— Да?! — рявкнул он в трубку, отходя от двери. Слушал секунду, лицо его стало еще мрачнее. — Опять? Я же сказал... Ладно. Еду.

Он бросил на ее дверь последний взгляд. Взгляд не просто злой. Взгляд, полный холодного, обетованного мщения. Он не кричал теперь. Он сказал тихо, но так, что каждое слово впилось в дерево и в ее слух:

— Считай, тебе повезло, психованная. Но это не конец. Это приветствие.

Он развернулся и скрылся в своей квартире. Дверь захлопнулась с такой силой, что содрогнулась вся лестничная клетка.

Настя отлипла от двери и медленно, как в замедленной съемке, сползла по ней на пол в прихожей. В руках все еще была сковорода. Она смотрела то на ее гладкое дно, то на крепкую, но такую уязвимую дверь. Первая ночь. Первая битва. И первый враг, который оказался не тихой старушкой, а... этим чудовищем. Красивым, накачанным и абсолютно неадекватным чудовищем.

Она встала, отнесла сковороду на кухню, поставила ее на плиту с таким чувством, будто это трофей. Потом налила себе воды. Руки дрожали. Она сделала несколько глотков, стараясь унять тремор.

Потом ее взгляд упал на красивый, кожаный блокнот на барной стойке — подарок подруги «для гениальных идей и важных мыслей». Она открыла его на первой странице, взяла ручку. Чернила легли на бумагу сами, выплескивая все, что клокотало внутри.

«24 декабря 2020 года. Ну, вот и я докатилась до того, чтобы начать вести дневник. Но все же я считаю, что лучше начать делать это на бумажных страницах, а не на физиономии некоторых индивидов. Ведь еще вчера я была нормальной уравновешенной девушкой, а уже сегодня чувствую себя настоящим потрошителем, готовым пойти и расчленить этого, даже язык не поворачивается назвать его человеком... Да, дорогой мой дневник, вот такая у тебя кровожадная хозяйка. А все почему? Чувствую, что очень нужно мне выплеснуть все это из себя, иначе взорвусь...»

Когда она дописала последнюю точку, наступило странное, пустое спокойствие. Ярость схлынула, оставив после себя лишь холодный осадок и тревогу. Тревогу, которая засела где-то глубоко под ребрами, колючим, незнакомым комом.

Потому что его последние слова висели в тишине ее новой квартиры, отдаваясь эхом в только что обретенных стенах.

«Это не конец. Это приветствие».

И она, к своему ужасу, понимала — он не блефует. Это было лишь начало войны. А она даже не знала имени своего противника.

Глава 2

Дневник Анастасии. 25 декабря, 10:00.

Дорогой дневник! Мой глаз уже дергается на нервной почве. Только десять утра, а я уже готова прикопать этого неандертальца в ближайшей лесополосе. Он закатил вечеринку. Вечером в пятницу! Ну да, у всех праздник, а у меня — личный ад. Но все по порядку. Наша война обретает новые, изощренные формы.

После ночного «приветствия» я пролежала до рассвета, прислушиваясь к тишине за стеной. Она была зловещей. Как затишье перед бурей. Когда за окном занялся серый зимний рассвет, я наконец провалилась в тяжелый, беспокойный сон, где зеленые глаза преследовали меня сквозь дымку кошмара.

Я проснулась от собственного вздрагивания. В квартире было тихо. Слишком тихо. Я встала, на цыпочках подошла к стене, приложила к ней ладонь. Холодный гипсокартон ничего не рассказал. Может, он ушел? Или выдохся? Не веря в такую удачу, я начала свой день.

Кофе не лез. Мысли путались. Я пыталась заниматься привычными утренними ритуалами: йогой, планированием дня, но каждый скрип пола заставлял меня вздрагивать. Я превращалась в нервную, заведенную зверушку в клетке собственной квартиры. Это было униительно.

Потом, примерно в полдень, я услышала хлопок соседской двери. Рывком отдернув кухонную занавеску, я успела увидеть его. Он выходил из подъезда, закутанный в длинную черную дубленку, которая сидела на нем с небрежной, дорогой элегантностью. На голове — темная шапка-бини. Он что-то сказал швейцару, и тот, подобострастно улыбаясь, кивнул. «Деньгами, что ли, взял?» — ядовито подумала я. Он сел в припаркованный у парадного темный Mercedes G-класса, и через мгновение мощный автомобиль бесшумно тронулся с места, растворившись в потоке машин на заснеженной улице.

Облегчение, хлынувшее на меня, было сладким и предательским. Враг отступил. Но он не был побежден. Я чувствовала это каждой клеточкой. Эта передышка была не милостью, а тактической паузой.

Весь день я провела в странном состоянии подвешенности. Разбирала коробки с книгами, расставляла их на полках, но мысли постоянно улетали за стену. Кто он? Почему живет один? Почему такой... взрывной? И почему, черт возьми, я до сих пор помню каждую деталь его лица, каждую каплю воды на его груди? Я злилась на себя за эту навязчивую картинку. Злилась на него — за то, что ворвался в мою жизнь не просто как шумный сосед, а как персонаж, не вписывающийся ни в какие рамки.

К вечеру злость перебродила в нечто иное. В желание доказать. Не ему — себе. Что я не трусливая «истеричка», а взрослая женщина, способная решить конфликт цивилизованно. Идея пришла сама собой — тортик. Мирная инициатива. Я представляла, как мы спокойно беседуем за чашкой чая, я излагаю разумные аргументы о режиме тишины, он, немного смущенный, соглашается. Идиллическая картинка.

Дура. Наивная, розовощекая дура.

Кондитерская на первом этаже нашего же комплекса пахла ванилью и грехом. Я выбрала «Наполеон» — классику, не вызывающую подозрений. Девушка за прилавком упаковала его в изящную коробку с шелковой лентой. «Для важного человека?» — лукаво спросила она. «Для соседа», — буркнула я, чувствуя, как краснею.

И вот, с этим орудием дипломатии в руках, я стояла у его двери. Сердце колотилось так, будто я собиралась не на переговоры, а на подвиг. Я глубоко вдохнула, представила себе его злое, небритое лицо, и... нажала на звонок.

Тишина в ответ была громче любого звука.

Я нажала еще раз, короче. Ничего.

Третья попытка была уже от отчаяния. Я прижала палец к кнопке и не отпускала. Пронзительная, навязчивая, унижительная трель оглушала всю лестничную клетку. В этот момент я уже не хотела мира. Я хотела его выманить. Хотела увидеть, как он, сонный и злой, появится на пороге. Хотела доказать, что я не боюсь.

Дверь распахнулась настолько резко, что от воздушной волны качнулась моя челка.

И он появился.

Не сонный. Не в мятном халате. Он был мокрый. С только что вымытой головы стекала вода, и он стоял в одном белом банном полотенце, низко обернутом вокруг бедер. Его кожа, загорелая даже зимой, блестела под светом люстры в прихожей. Мускулатура плеч, груди, пресса была не качковской, а естественной, мощной, как у пловца или альпиниста. По левой стороне груди тянулась цепочка с небольшим серебристым кулоном в виде абстрактного знака. Вода стекала по этим рельефам, и мой мозг, воспитанный на приличных романах и строгом отце, на секунду отключился, захлестнутый чисто животным впечатлением. Он был... нереальным. Как иллюстрация из запретного журнала, сошедшая со страницы, чтобы терроризировать меня.

Мне потребовалось усилие, чтобы оторвать взгляд от его торса. Лицо. Оно было еще опаснее. Влажные, темные ресницы оттеняли зеленые глаза — сейчас они были не адски-пылающими, как ночью, а спокойными, изучающими, с легкой насмешкой в глубине. Он оценил меня медленным, всевидящим взглядом: мои взъерошенные от нервов волосы, широко раскрытые глаза, офисную блузку, которую я так и не успела сменить, юбку-карандаш, каблуки. Его взгляд был таким откровенным, таким мужским, что у меня по спине побежали мурашки — от ярости и от чего-то еще, стыдного и горячего.

— Ну, приветствую, — произнес он наконец. Голос был низким, бархатным, с легкой, едва уловимой хрипотцой. — Снова в гости? Уже без тяжелой артиллерии? — Он кивнул на коробку в моих руках. Уголки его губ дрогнули. — Или это троянский конь? Внутри греки с сковородками?

Я открыла рот, и из него вырвался лишь странный звук, похожий на поперхнувшегося голубя. Я сглотнула, чувствуя, как жар поднимается к щекам.

— Я... я пришла поговорить. О вчерашнем. Цивилизованно.

— Цивилизованно? — Он приподнял одну бровь. Капля воды скатилась с нее. — После сковородного десанта? Смелый ход. Заходи, что ли. Только недолго, я не одет для долгих дискуссий. — Он отступил, жестом приглашая внутрь.

Я замерла. Войти? В логово зверя? Одной?

— Я... тут постою, — выдавила я.

— Трусовато, — констатировал он, и в его глазах вспыхнула искорка. — Боишься, что я в полотенце тебя соблазню? Не волнуйся, на вкусных тортиках я не помешан. Только на кремовых.

Этот намек заставил меня вспыхнуть как спичка. Дипломатия сгорела дотла.

— Я не трус! И я пришла сказать, что так жить нельзя! Три часа ночи, гитара! Вы что, в общаге выросли?

— Во-первых, опять «вы». Скучно, — он вздохнул, как уставший учитель. — Я один. И вырос я, между прочим, тут, в Москве. Просто у меня творческий подход к жизни. А во-вторых... — он наклонился чуть ближе, и я ощутила исходящее от него тепло и запах — чистого тела, морской соли и чего-то древесного, — если бы ты начала не со штурма, а с простого стука, все могло сложиться иначе. Но ты выбрала войну, милая соседка. На войне действуют законы войны. А не правила хорошего тона из учебника для девочек.

«Милая соседка». От этих слов меня передернуло. В них было столько снисходительности и... чего-то игривого, что бесило еще больше.

— Я не милая! И это не война, это... защита моих законных прав на отдых!

— О, законных, — он кивнул с преувеличенным пониманием. — Значит, будешь жаловаться? В УК? Участковому? Папочке? — Последнее слово он произнес с особой ядовитостью. Как он узнал? Или просто угадал? У меня перехватило дыхание от злости.

— Послушай, истеричка, — продолжил он, и его голос стал мягче, но от этого не менее опасным. — Устал я от таких, как ты. Которые думают, что весь мир должен подстраиваться под их расписание. У меня работа, у меня настроение, у меня жизнь. И я буду жить так, как хочу. А твои проблемы с шумом... — он махнул рукой, — это твои проблемы. Вата в уши, беруши, снотворное. Или переезжай обратно к маме с папой, если не можешь вынести взрослой жизни.

Это было уже слишком. Слишком нагло, слишком лично, слишком... правдиво? Нет, неправдиво! Я сама зарабатываю, сама живу! Этот невежда...

Я не думала. Я чувствовала. Весь день накопленное унижение, злость, растерянность — все это сконцентрировалось в моей правой руке, сжимавшей коробку с «Наполеоном».

Рука взметнулась сама.

Сочный, влажный, по-своему идеальный звук — ПЛЮХ-ХЛОП! — оглушил тишину площадки.

Крем, слоеные коржи, сахарная пудра — все это в изящном, взрывном каскаде встретилось с его высокомерным, прекрасным лицом и обнаженной грудью. Кусочек коржа застрял у него на брови. Крем медленно сползал по щеке, словно слеза. Он стоял, не двигаясь. Полотенце на бедрах было единственным чистым пятном на его теле. Его зеленые глаза, выглядывающие из-под сладкой маски, были широко раскрыты от чистого, немалого шока. Он не ожидал этого. Никто в здравом уме не мог ожидать этого.

Время остановилось. Я увидела, как в его глазах шок сменился чем-то первобытным, темным. Я отшатнулась, бросив пустую, помятую коробку к его ногам.

— Вот тебе... твоё творческое настроение! — просипела я, голос сорвался на визг. И, развернувшись, бросилась к своей двери.

Адреналин придал скорости. Я влетела внутрь, захлопнула дверь, повернула ключ и вставила цепочку — поздно, но для успокоения. И только тогда прислонилась к дереву, вся дрожа. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди. Я сделала это. Я, Анастасия Соколова, облила тортом полуголого мужчину. Что со мной происходит?

И тут в дверь ударили. Не стук. Удар. Такой, что сама тяжелая металлическая дверь затрещала и отскочила на цепочке.

— ОТКРОЙ, СУКА! — его рев был приглушен дверью, но от этого казался еще страшнее, подземным. — Я ТЕБЯ ЩАС КРЕМОМ ЗАДУШУ! Я ИЗ ТЕБЯ ТОРТ СДЕЛАЮ И САМ СЪЕМ!

Удары сыпались градом. Он бил кулаком, плечом, ногой. Казалось, он действительно пытался высадить дверь. Я в ужасе отползла вглубь прихожей, прижавшись к стене. «Полиция... надо вызвать полицию...» — лихорадочно думала я, но телефон был в спальне, а путь туда лежал мимо двери.

— ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ПСИХОВАННАЯ БАБЕНКА? Я ТЕБЕ ЖИЗНЬ СУКИНУ СДЕЛАЮ! КАЖДУЮ НОЧЬ! КАЖДЫЙ ДЕНЬ!

И вдруг удары прекратились. Наступила звенящая тишина. Я слышала только свое прерывистое дыхание. Потом — хлопок его двери. И почти сразу — через стену грохнула музыка.

Не просто музыка. Это был настоящий звуковой ураган. Rammstein, «Feuer frei!», но на такой громкости, что в моей квартире задребезжали стекла в буфете, зазвенела хрустальная люстра в гостиной. Басы били прямо в грудь, вышибая воздух. Он не просто включил колонки.

Он поставил сабвуфер к самой стене, разделяющей наши спальни. Стена вибрировала, передавая эту ярость прямо в кости.

Это была не просто месть. Это был акт устрашения. Объявленная, тотальная война.

Я закрыла уши ладонями, но это не помогало. Вибрация проходила через пол, через мебель. Я сидела на полу в прихожей, прижавшись головой к коленям, и чувствовала, как слезы злости и бессилия подступают к глазам. Он выиграл. Он полностью доминировал, превратив мое жилище в филиал ада.

Музыка гремела час. Потом стихла так же внезапно, как началась. И на смену ей пришли другие звуки. Шум голосов, смех. Он позвал кого-то. Вечеринка.

Моя вечеринка была тихой. Я сидела на кухне с почти полной бутылкой белого вина и своим дневником. Я писала, стараясь заглушить вином и словами гул из-за стены. Каждый взрыв хохота, каждый звон бокала был для меня личным оскорблением.

«...И вот теперь сижу я у себя на кухне, пью в одиночестве вино, пока в соседней квартире беснуется толпа. Он мстит. Ясно и понятно. И я сижу тут, как дура, и не знаю, что делать. Скворода бессильна против танцпола. Я представляю его там: в центре внимания, наверное, уже без полотенца, в каком-нибудь чертовски идеально сидящем черном свитере. Улыбается своим гостям, подливает виски, его зеленые глаза блестят от выпивки и удовольствия. А какая-нибудь длинноногая блондинка висит у него на плече...»

Я резко оборвала запись, поставила три восклицательных знака и отпила вина. Мне было все равно. Абсолютно. Просто невыносимо.

Решив сбежать, я наспех привела себя в порядок. Нужно было выглядеть не как жертва, а как женщина, у которой есть куда более интересные планы, чем слушать его ор. Я позвонила подруге Кате, наспех договорилась, что заеду. Быстро переоделась в узкие джинсы и уютный свитер, накинула пальто.

Открыв дверь, я попала в звуковую волну. Музыка была уже попсовая, танцевальная, но от этого не менее громкая. Я фыркнула и направилась к лифту. И в этот момент его дверь распахнулась.

Из квартиры вывалилась компания. Два парня, один из них — крупный, похожий на спортсмена, другой — тощий, в очках. Две девушки — одна действительно длинноногая блондинка в коротком платье, другая — рыжая, с гитарой за спиной. И в центре — он.

Кирилл. В черном свитере с высоким воротником, обтягивающем торс, и темных джинсах. В одной руке — низкий бокал с темным виски, в другой — он легонько обнимал за талию ту самую блондинку. Он что-то говорил, смеясь, его голова была запрокинута назад, обнажая сильную шею. И его взгляд, скользнув по площадке, нашел меня.

Наша встреча длилась всего пару секунд. Его улыбка не исчезла, но в глазах, ярко-зеленых даже в полумраке коридора, вспыхнуло что-то острое, узнающее, почти радостное. Он медленно, нарочито театрально, поднял бокал в мою сторону. Жест был красноречивее любых слов: «За нашу войну. За твой проигрыш. За мой тост, которым я вытер твой торт с лица».

Блондинка что-то спросила его, глядя на меня с любопытством. Он наклонился к ее уху, что-то шепнул. Она засмеялась — высоким, колокольчиковым смехом, который резанул по слуху.

Я резко отвернулась, яростно нажала кнопку лифта. Чувствовала его взгляд на своей спине. Горячий, насмешливый, неотступный.

Лифт пришел. Я зашла внутрь и, прежде чем двери закрылись, услышала его голос, брошенный мне вслед, звонкий и полный победной радости:

— Сладких снов, соседка! Не скучай без нас!

Двери захлопнулись, отрезая взрыв общего смеха. Я прислонилась к стенке лифта, закрыв глаза. Вкус вина был горьким на языке. Он выиграл этот раунд. Блестяще. Унизительно. Но игра, как он сам сказал, только началась.

Спускаясь вниз, я уже строила планы. Завтра. Завтра все изменится. Я найду способ бороться. Цивилизованно, жестоко, неважно. Но я не позволю этому наглому, красивому чудовищу отравлять мою жизнь.

Одно только не давало мне покоя: почему в самые яростные моменты я ловила себя на мысли не о том, как бы его усмирить, а о том, какого цвета у него глаза при дневном свете? И почему воспоминание о капле воды, скатившейся с его ключицы, заставляло мое сердце биться чаще не только от злости?

Война объявлена. И первый ее casualty — мой душевный покой.

Тем временем в квартире 180.

Когда дверь лифта закрылась, унося ее — маленькую, взъерошенную, гордую — Кирилл отпустил талию блондинки.

— Ребята, вам пора, — сказал он неожиданно ровным голосом.

— Что? Кирь, да мы только разошлись! — возмутился тот, что похож на спортсмена, Серега.

— У меня дела, — Кирилл отпил виски, его взгляд был отрешенным, он смотрел на закрытые двери лифта. — Серьезные.

Через десять минут квартира опустела. Шум, смех, музыка — все стихло. Он стоял посреди гостиной, прислушиваясь к тишине. Потом подошел к стене, той самой, и приложил к ней ладонь. С той стороны было тихо. Она ушла.

Он улыбнулся. Не той победной, наглой ухмылкой, а какой-то другой, себе самому. «Кремовая тварь». Смелая. Безумная. Бесподобная.

Он прошел в ванную, снова посмотрел в зеркало. Следы торта были смыты, но в памяти осталось ощущение холодного, сладкого удара и ее глаза — полные такой ярости и жизни, что было почти страшно.

Его телефон вибрировал. Сообщение от отца: «Завтра в офисе к 10. Обсудим твои «калифорнийские» идеи по спасению компании. Не опаздывай». Давление. Обязательства. Клетка.

А здесь, за тонкой стенкой из гипсокартона, была война. Настоящая, честная, без подковерных интриг. И противник, который не боялся бросить ему торт в лицо.

Кирилл потянулся к гитаре, стоявшей в углу. Провел пальцами по струнам, извлек тихий, печальный аккорд. Потом отложил ее. Не сегодня. Сегодня он выиграл битву. Но что-то подсказывало ему, что война с кареглазой фурией из квартиры 181 только начинается. И, черт возьми, это было самое интересное, что случилось с ним с момента возвращения в эту заснеженную, тоскливую Москву.

Он взглянул на стену. «Держись, соседка, — мысленно произнес он. — Держись изо всех сил. Мне нужен достойный противник».

И впервые за долгое время он лег спать не с чувством тяжести и тоски, а с легким, почти мальчишеским азартом, предвкушая завтрашний день.

Глава 3

Дневник Анастасии. 26 декабря, 09:00.

Дорогой дневник! Если вчера я была готова его прикопать, то сегодня — асфальтировать и построить над ним автостоянку. Вчерашний вечер у Кате прошел в тумане. Я смеялась над ее шутками, пила вино, но слышала только эхо той дурацкой музыки и его наглый смех: «Сладких снов, соседка!». Как будто он знал, что я сбегая. Что он выиграл.

Катя, конечно, в курсе моей «войны». Она предложила десяток планов мести: от подсыпания слабительного в дверь (негуманно) до знакомства с «крутым парнем», который «объяснит ему, как шуметь». Последнее прозвучало особенно жалко. Мне не нужен защитник. Мне нужно, чтобы этот ублюдок исчез или научился вести себя как цивилизованный человек. Хотя второе кажется все более фантастическим.

Я вернулась домой под утро. В подъезде пахло сигаретным дымом и дорогим парфюмом — явные следы его вечеринки. На моем коврике лежал смятый бумажный стаканчик. Я пнула его в сторону его двери с таким чувством, будто пинаю его самого. В квартире царила звенящая, подозрительная тишина. Я прислушивалась, стоя в прихожей, как партизан на вражеской территории. Ни музыки, ни шагов, ни того противного смеха. Может, он спит мертвым сном после гулянки? Или, может, уехал с одной из своих длинноногих подружек?

Последняя мысль вызвала необъяснимый приступ раздражения. Не ревности, конечно. Просто... несправедливости. Он устраивает ад, а потом спокойно уезжает развлекаться, а я тут, как дура, хожу по опустошенной квартире и прислушиваюсь к тишине, которую сама же так жаждала.

Я провела утро, пытаюсь наверстать упущенное из-за переезда: разбирала последние коробки с книгами, расставляла фотографии в рамки. Но руки не слушались, мысли путались. Я то и дело подходила к стене, разделяющей наши спальни, и прикладывала к ней ладонь, будто пытаюсь уловить вибрации, узнать, что там. Молчание было гнетущим. Это была тишина перед бурей, я чувствовала это костями.

И я не ошиблась.

12:05. Первый удар перфоратора прозвучал не как случайный звук. Он был точечным, прицельным. БУМ. Прямо за стеной, где висела моя новая картина с березовой рощей. БУМ. Пауза. БУМ. Это была не работа, это был ритуал. Издевательство.

Я застыла посреди гостиной с полкой в руках. Кровь ударила в виски. «Нет, — прошептала я. — Только не это. Не сегодня».

Я подошла к стене, прижалась к ней лбом. Слышно было не только сверление, но и его насвистывание. Ту же мелодию, что и в первую ночь. Он делал это нарочно. Стопроцентно нарочно. Это была ответная акция на мой уход к подруге. Месть за то, что я не осталась слушать его вечеринку до конца.

БУМ. БУМ. БУМ.

Каждый удар отдавался в моих зубах. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони. Мне хотелось кричать. Но кричать в пустую квартиру было еще унижительнее. Тогда я вспомнила о своем верном оружии. Чугунная сковорода лежала на кухонном столе, как будто ждала своего часа.

Я взяла ее. Вес успокаивал. Я прошла в спальню, к тому самому месту, откуда доносился звук. Подняла сковороду.

БУМ — со стороны соседа.

БАМ — мой ответный удар сковородой по стене. Звонкий, металлический, удовлетворяющий.

Сверление на секунду затихло. Я почти представила его удивленное лицо. Потом оно возобновилось, но уже с другой интонацией — более яростной, учащенной. Бум-бум-бум-БУМ!

Я отвечала ударом на удар. Мы вели дуэль. Немой диалог агрессии. Это было абсурдно, по-детски, но чертовски эффективно для сброса напряжения. С каждой моей «репликой» я чувствовала, как кипящая внутри лава гнева немного остывает, превращаясь в холодную, целеустремленную злость.

И вот, после очередной паузы с его стороны, раздался не звук дрели, а глухой, ритмичный стук. Тук-тук-тук-ТУК. Потом еще. И еще.

Я прислонила ухо к стене, не веря своим ушам. Это был... мяч. Футбольный или баскетбольный. Он бил им о стену. Ритмично, методично, с чувством. Буд-буд-буд-БАМ. Пауза. Буд-буд-буд-БАМ.

Это было уже за гранью. Это был высший пилотаж соседского троллинга. Я закатила глаза к потолку, и вдруг меня прорвало. Не злость, а истерический смех. Я смеялась, стоя у стены, сжимая в руках сковородку, а в уши били удары мяча. Это было так нелепо, так гротескно, что злиться дальше было бессмысленно. Мой враг был не просто хамом. Он был артистом. Художником по части доведения до белого каления.

Я перестала отвечать. Просто стояла и слушала эту дурацкую, навязчивую дробь. И слушая, ловила себя на странной мысли: сколько же в нем энергии? И куда он ее девает, кроме как на терроризирование меня? Где он работает? Есть ли у него друзья, кроме тех полупьяных приятелей? Что он думает, когда остается один в тишине, которую так яростно нарушает?

Удары мяча продолжались ровно час и сорок три минуты (я засекла). Потом наступила тишина. Окончательная, усталая. Я подумала, что он, наверное, вымотался. Лег на диван. Заснул. И в этот момент сквозь стену донесся новый звук.

Кашель.

Сначала это было простое покашливание. Потом — глубже. Потом — приступ, который не стихал. Звук был влажным, раздражающим, по-настоящему болезненным. В нем не было ни капли наигранности. Это был звук страдающего тела.

Вся моя ярость мгновенно схлынула, уступив место холодной, рациональной тревоге. Это был уже не враг. Это был человек, который, судя по всему, серьезно болен. И он один.

«Служит ему право», — промелькнуло в голове старое, злое. Пусть помучается. Пусть почувствует, каково это — когда твое личное пространство атакует что-то неподконтрольное и болезненное.

Но я не могла. Не потому что я святая. А потому что я знала — если с ним что-то случится, и я ничего не предприму, это останется со мной навсегда. Даже если он подонок. Даже если он заслужил. Кроме того, где-то на задворках сознания шевелилась противная, правдивая мысль: а что, если именно поэтому он такой злой? Что, если он просто несчастен?

Я долго стояла у стены, слушая, как кашель разрывает его изнутри. Потом, с чувством обреченности, пошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало. Лицо было бледным, под глазами — синяки от недосыпа. «Ты собираешься идти к нему, — сказала я своему отражению. — К тому, кто тебя ненавидит. К тортику в лицо. Ты идиотка».

Но ноги сами понесли меня на кухню. Я налила в грелку горячей воды, накинула кардиган. Сердце колотилось уже не от злости, а от чего-то другого — от страха, от неловкости, от глупой, неотвязной жалости.

Стук в его дверь прозвучал робко. Я боялась, что он не откроет. И боялась, что откроет.

Щелчок цепочки. Дверь приоткрылась на сантиметр. В щели — его глаз. Один зеленый, воспаленный, с лопнувшим капилляром. Узнав меня, глаз сузился.

— Что? — голос был хриплым, выдохшимся, лишенным всякой привычной дерзости. — Пришла добить? У меня, кстати, нет тортов.

Я проигнорировала выпад. Смотрела на эту щель, за которой скрывалось его страдающее лицо.

— Ты болен.

— Блестящее наблюдение, Шерлок, — он попытался вставить в фразу привычный сарказм, но его перекосило от нового приступа кашля. Он отвернулся, его плечи тряслись. Звук был ужасным.

— Вызывай врача, — сказала я, и мой голос прозвучал жестче, чем я планировала.

— Не надо врача. Само пройдет.

— У тебя температура под сорок, идиот. Ты сейчас свалишься тут один.

Он посмотрел на меня сквозь щель. Его взгляд был мутным, лихорадочным, но в глубине читалась какая-то собачья, гордая упертость. И еще — удивление. Он явно не ожидал, что я постучусь.

— Тебе-то что? — просипел он. — Переживаешь за противника? Стратегический ход? Отравить меня, пока я слаб?

Этот вопрос, заданный с искренним недоумением, что-то во мне перевернул. В нем не было злобы. Было лишь непонимание правил этой странной игры.

— Открой дверь, дурак, — сказала я, и голос мой дрогнул.

Цепочка с лязгом упала. Дверь открылась.

Он стоял, прислонившись к косяку, как будто это единственное, что не давало ему рухнуть. На нем были те же темные треники и серая футболка, промокшая на груди, вероятно, от пота. Волосы, обычно такие ухоженные, даже в беспорядке, сейчас были просто грязной, слипшейся массой на лбу. От него исходило тепло, как от печки, и слабый запах пота, лекарств (пахло мятой, как будто он пытался жевать что-то от горла) и чего-то беззащитного, по-детски несвежего.

Я переступила порог, нарушая незримую границу вражды. Его квартира представляла собой поле боя иного рода: на полу — смятые одеяла и подушки с дивана, пустые пачки от таблеток (обычные жаропонижающие), десяток бутылок из-под воды, одна — опрокинутая. На столе — ноутбук, открытый на каком-то черно-белом графике, рядом — очки. Без них я его никогда не видела. Они делали его... умнее. Уязвимее.

Я подошла к нему, преодолевая желание отшатнуться. Не от брезгливости, а от странного трепета. Он был таким большим, таким физически подавляющим в здоровом состоянии. А сейчас — высоким, хрупким тростником, который вот-вот сломается. Я, не спрашивая, приложила тыльную сторону ладони ко его лбу. Кожа была сухой и обжигающей, как раскаленная плита.

— Вот видишь, — сказала я, отдергивая руку, будто обожглась. На самом деле, мне хотелось оставить ладонь там, поделиться прохладой. — Врача. Сейчас же.

— Не буду, — он проскользнул по косяку вниз и уселся прямо на пол в прихожей, обхватив голову руками. — Засну, и все. Само пройдет.

В этом «само пройдет» слышался не страх врача, а какое-то глубинное, хроническое неверие в то, что о нем кто-то может позаботиться. Как будто он давно привык болеть в одиночку и выкарабкиваться сам. Эта мысль кольнула острее, чем вид его беспорядка.

Я вытащила телефон.

— Что делаешь? — он попытался вскочить, но слабость приковала его к полу.

— Вызываю врача. Если будешь сопротивляться, скажу, что ты буйный и с галлюцинациями. И что ты угрожал соседке тортом.

Он не ответил. Просто закрыл глаза, откинул голову на стену и сдался. Пока я говорила с диспетчером, называла адрес и симптомы («высокая температура, сильный кашель, слабость»), он сидел неподвижно. Только губы его были плотно сжаты — то ли от боли, то ли от унижения, что его, Кирилла Орлова, сдали врачу, как какого-то ребенка.

Врача ждали долго. Новогодние вызовы, пробки, метель. Я не ушла. Не могла. Принесла из своей квартиры бесконтактный градусник (он показал 39.8), влажные полотенца, пару бутылок минералки. Я старалась действовать методично, как медсестра, чтобы не думать о нелепости ситуации. Я, Анастасия Соколова, сижу в квартире мужчины, который двенадцать часов назад поднимал тост за мое бегство, и вытираю ему лоб прохладной салфеткой.

Он то проваливался в тяжелый, беспокойный сон, то просыпался и следил за моими перемещениями по квартире молчаливым, горячим взглядом. Без злобы, без насмешки. Просто смотрел, как будто пытался разгадать шараду. Кто я? Почему я здесь? Его молчание было хуже любых оскорблений.

Чтобы занять себя и не сойти с ума от неловкости, я начала наводить минимальный порядок. Собрала пустые бутылки, сложила одеяло, протерла пыль со стола рядом с диваном. Мои движения были осторожными, будто я боялась потревожить не только его, но и хрупкое перемирие, висевшее в воздухе.

— Зачем убираешь? — хрипло спросил он, когда я вытирала стол.

— Чтобы не споткнуться и не разбить твой ноутбук, — отрезала я. — Он же дорогой, наверное.

— Да, — просто сказал он. Потом, после паузы: — Спасибо.

Эти «спасибо», вырванные у него болезнью и слабостью, звучали искренне и оттого были еще более смущающими.

Когда пришел врач — суровый, неразговорчивый мужчина лет пятидесяти — Кирилл уже почти не сопротивлялся. Осмотр, короткие вопросы («Курю? Аллергии?»), укол жаропонижающего и антибиотика. Врач выписал рецепт, бросил на меня оценивающий взгляд.

— Жена? — спросил он, не глядя.

— Соседка, — быстро ответила я.

— Ухаживайте. Антибиотики — строго по часам. Обильное питье. Если завтра температура не начнет падать — «скорая». И никакого алкоголя, понятно? — Он бросил взгляд на пустые бутылки из-под пива в углу.

— Понятно, — хрипло сказал Кирилл.

Врач кивнул и ушел, оставив нас в тишине, теперь уже нагруженной новой ответственностью.

Я взяла рецепт.

— Схожу в аптеку. Ты не умрешь, пока?

— Постараюсь, — он попытался усмехнуться, но получился лишь болезненный оскал. — Ключи в куртке. Деньги в кошельке на тумбе.

Я нашла его кожаную куртку, висевшую на вешалке. Запах — дорогой кожа, его одеколон, холод — ударил мне в нос. Я сунула руку в карман, нащупала холодный металл ключей и кожаный кошелек. Мне стало странно от этой интимности — рыться в карманах чужой, нет, вражеской куртки. В кошельке, среди кредиток и каких-то визиток, лежала стопка наличных. Я взяла несколько купюр, чувствуя себя вором.

— Не сбежишь с кассой? — спросил он с дивана, словно прочитав мои мысли.

— Подумываю, — бросила я через плечо, выходя.

Метель не утихала. Снег слепил глаза, ветер выл, выдувая из меня последние остатки рациональности. Зачем я это делаю? Ради чего? Ради какого-то чувства долга, которое этот тип явно не оценит?

Аптека была ярким островком в белой мгле. Я сдала рецепт, и пока фармацевт собирала лекарства, блуждала между стеллажами. Инстинктивно набрала чего-то еще: витамин С в шипучих таблетках, пастилки от горла с медом, пластыри (мало ли), и даже пакетик детской жаропонижающей суспензии — на случай, если ему будет трудно глотать таблетки. Потом, уже на кассе, добавила бутылку хорошей, негазированной воды и пакетик липового чая.

Возвращалась я, чувствуя себя нелепым санитаром в тылу врага. Но когда я открыла дверь его квартиры и увидела, что он лежит в той же позе, лишь слабо приоткрыв глаза на звук моего прихода, что-то во мне дрогнуло. Он был беспомощен. И он доверил мне свою беспомощность, пусть и по умолчанию.

Я разложила покупки на столе, занесла в телефон график приема лекарств. Потом зашла на его кухню. Она была просторной, современной и... пустой. Холодильник гудел одиноко. Внутри — банка оливок, пачка масла, яйца и несколько бутылок бельгийского пива. Ничего для больного. Я вспомнила запах пустых пицца-боксов в гостинной. Так он и питается.

Тогда я сходила к себе. Мои запасы, благодаря маме, были богатыми. Я взяла куриную грудку, морковь, лук, корень петрушки — все для бульона. Прихватила замороженные ягоды (малина, смородина), которые летом собирала и замораживала бабушка «на случай болезни». Это был ее семейный рецепт: ягодный морс — лучшее лекарство.

И вот я стояла на его кухне, на его территории, и готовила. Это было сюрреалистично. Нож стучал по его разделочной доске, вода шумела в его кастрюле. Аромат лука и курицы, домашний, уютный, начал медленно вытеснять запах лекарств и одиночества. Я чувствовала его взгляд на своей спине. Обернулась. Он лежал на диване, но повернулся на бок и смотрел на меня через спинку. Его глаза в полумраке комнаты светились, как у кота.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Просто... не ожидал, что ты умеешь.

— Варить бульон? Это не ракетостроение.

— Ну, для меня — почти, — он усмехнулся, и это звучало менее болезненно. — Я обычно заказываю. Или разогреваю.

— Понятно. Оттого и иммунитет никакой, — огрызнулась я, но беззлобно.

Он не ответил. Просто смотрел, как я перемешиваю бульон. А я, под этим взглядом, чувствовала себя одновременно и глупо, и... на своем месте. Как будто я была здесь нужна. Не как враг, а как что-то другое. И это «другое» пугало больше, чем открытая вражда.

Бульон сварился. Я разлила его по тарелкам, насыпала в его морс ягод. Принесла ему на подносе, поставила на журнальный столик. Он медленно сел, закутавшись в плед. Выглядел немного лучше — глаза стали чуть яснее, румянец не таким лихорадочным.

— Спасибо, — сказал он тихо, беря ложку. Его пальцы, длинные, с ровными ногтями, обхватили ручку неуверенно, будто он забыл, как это делается.

— Ешь, пока горячее.

Мы ели молча. Он ел медленно, сосредоточенно, как будто заново узнавая вкус домашней еды. Я ковыряла в своей тарелке, украдкой наблюдая за ним. Как он наклоняется, как дует на ложку, как его ресницы отбрасывают длинные тени на щеки. Без маски агрессии и бравады его лицо было удивительно молодым, почти мальчишеским. И красивым. Чертовски красивым. Я отогнала эту мысль, как назойливую муху.

— Почему? — спросил он вдруг, не поднимая глаз от тарелки.

— Почему что?

— Почему ты все это делаешь? — он посмотрел на меня. — Я же... я вел себя ужасно. Я заслужил, чтобы ты радовалась моей болезнью.

Вопрос был честным. И сложным. Я отложила ложку.

— Не знаю. Наверное, потому что я не такая, как ты.

Он хмыкнул.

— То есть добрая и пушистая?

— Нет. Просто я не могу поступить иначе. Даже если ты мудака.

Он задумался, ковырнув ложкой в тарелке.

— Справедливо. Я и есть мудака. Иногда.

Это было почти признание. От него — многого стоившее.

— Иногда? — я подняла бровь.

— Часто, — поправился он, и уголок его губ дрогнул. — Но не всегда. Спасибо, что напомнила, что бывает иначе.

После ужина я дала ему таблетки. Он поморщился, запивая водой.

— Противно.

— Взрослый мужчина, а капризничает.

— Я болею, мне можно, — он улегся обратно, укутавшись по подбородок, и посмотрел на меня. — Ты... останешься?

Вопрос повис в воздухе. Он задал его не как требование, не как манипуляцию. А как просьбу. Одинокую и робкую.

— Ты что, боишься один? — пошутила я, чтобы скрыть внезапное смущение.

— Нет. Просто... тихо как-то без твоего ворчания. И сковородки.

Я рассмеялась. Неожиданно, громко, от души. И он улыбнулся в ответ. Настоящей, не кривой, не саркастической улыбкой. Она преобразила его лицо, сделала его открытым, теплым.

— Ладно. Немного посижу. Включи что-нибудь, только не своего «Рамма».

Он взял пульт, включил телевизор. Шел какой-то старый, дурацкий комедийный сериал, который мы оба, кажется, видели в детстве. Мы смотрели его, изредка обмениваясь репликами. Про актеров, про нелепые костюмы, про то, как изменился юмор. Барьер вражды не рухнул, но в нем появилась дверца. Мы разговаривали не как враги, не как соседи. Почти как... знакомые. Бывшие враги, нашедшие временное перемирие на нейтральной полосе.

Его голос, все еще слабый, но спокойный, без привычной колючей интонации, был приятен. Он рассказывал что-то про съемки этого сериала, какие-то закулисные истории, которые читал когда-то. Я слушала, и постепенно напряжение дня начало уходить. Тело, державшее оборону все эти часы, расслабилось. Мне было тепло, безопасно в этой странной близости.

Я не заметила, как уснула. Провалилась в сон резко, как в темную, мягкую воду, под монотонные голоса из телевизора.

Проснулась от движения. От ощущения, что меня осторожно поднимают. Я промычала что-то невнятное, пытаясь открыть глаза, но веки были свинцовыми.

— Тсс, — слышался его голос где-то очень близко. — Спи.

Меня переложили с жесткого кресла на что-то широкое, мягкое, ужасно комфортное. Диван. Пахнувший им — его одеколоном, лекарствами, чистым бельем. Меня укрыли тем же пледом. Я уткнулась лицом в подушку, погружаясь обратно в сон, и в последний момент перед полным отключением почувствовала — его рука легла мне на талию. Тяжелая, горячая, уверенная. Не как захват. Как знак. «Я здесь. Все в порядке».

И это было последней мыслью перед тем, как я провалилась в самый глубокий, самый спокойный сон за последние несколько дней.

Глава 4

Дневник Анастасии. 27 декабря, 20:00.

Дорогой дневник!

Твоя хозяйка – дура набитая. Констатация факта. Забыть ключи в квартире, захлопнуть дверь и оказаться в подъезде в тридцатиградусный мороз в одном легком кашемировом свитере – это уже не уровень, это высший пилотаж идиотизма. Или отчаяния, которое отшибает все инстинкты самосохранения.

После вчерашнего... после той ночи на его диване, после его руки на моей талии, мой мозг превратился в подобие взболтанного яйца. Я как зомби просидела весь день в офисе, ловя на себе пронзительные, аналитические взгляды отца. «Ты на нервах, дочка? Глаза пустые. Может, съездишь в санаторий, отдохнешь?» Отдохнуть. От соседа-сади́ста, который... который оказался не таким уж сади́стом, когда болел. Который переложил меня, спящую, на диван, не как трофей, а с какой-то странной осторожностью. Чье дыхание было ровным и горячим у меня в затылке. Чье тепло я чувствую до сих пор, будто он оставил на моем боку невидимую, жгучую метку.

Я сбежала от мыслей к родителям. Загородный дом, запах елки и корицы, мамины пироги с вишней, папины расспросы о квартальном отчете. И неизбежная, как смена времен года, мамина тихая атака за чаем: «Настенька, тебе уже двадцать четыре. Красивая, умная, хозяйка. Когда же мы увидим рядом с тобой достойного молодого человека? Не для нас, для тебя!» Достойного. А каков он, достойный? Как ОН? Высокий, успешный (если верить сухим строчкам моего вчерашнего гуглинга: «Кирилл Орлов, сооснователь стартапа KortexAI, проданного калифорнийскому фонду»), с квартирой в центре. И с перфоратором в три часа ночи. И с репертуаром «Раммштайн», который он, как выяснилось, слушает не из позы, а потому что «это честная музыка, в ней есть стержень». Нет, он не «достойный» в мамином понимании. Он – стихийное бедствие. Он – землетрясение, поселившееся за стеной. И я, кажется, начинаю чувствовать афтершоки где-то глубоко в костях.

Отец довез меня до самого подъезда на своем черном «мерседесе», но подниматься не стал. «Дела, дочка. Завтра рано». Поцеловал в лоб, и в его взгляде читалась та самая тревога – не за отчет, а за меня. Он что-то чувствовал. И умчал в ночь, оставив меня один на один с моей пустой, темной квартирой. Вернее, с дверью в нее.

И вот я стою, роюсь в бездонной сумке-тоут, где мирно уживаются паспорт, пачка салфеток, полупустая помада, ключи от офиса и все что угодно, кроме одного. Ключей от дома. Они лежат там, на стеклянной тумбе в прихожей, где я швырнула их утром, убегая, как преступница с места преступления, от воспоминаний о его теплой спине под тонкой тканью, о ритме его сердца, который я, кажется, слышала сквозь сон.

Осознание ударило, ледяной волной смыл последние остатки тепла от маминого чая. Не просто досада. Паника. Я медленно, как в замедленной съемке, сползла по гладкой деревянной поверхности двери на холодный кафель подъезда. Поджала ноги, обхватила колени. Истерика, тупая и беспомощная, подступала комком к горлу. Слезы жгли глаза. Вот он, итог моей «самостоятельности». Заперта у себя же дома, в пижамных штанах, спрятанных под юбкой, без денег (кошелек-то внутри!), с телефоном, на котором 3% заряда. Гениально.

И тут лифт звякнул.

Из него вышел ОН. КАТАСТРОФА В ПЛОТИ. Кирилл. В том самом длинном черном пальто, воротник поднят. В руках – сумка из дорогого кожаного магазина и папка с бумагами. Он выглядел... деловым. Усталым. Таким другим. Увидев меня, сгорбленный комо-

чек у двери, он замер. Брови чуть поползли вверх. Не торопился подходить, изучал. Потом медленно, будто приближаясь к дикому зверю, сделал несколько шагов.

— Проблемы, соседка? — спросил он. Голос был низким, без обычной ехидцы или злобства. Просто констатация. В нем слышалась усталость, накопленная за долгий день.

Я не смогла выговорить ни слова, просто кивнула, уткнувшись лицом в колени.

— Ключи? — угадал он.

Я снова кивнула.

— А слесарь, служба?

— Не... не отвечают, — прошептала я. — Праздники. Все...

Он тяжело вздохнул, поставил свою сумку и папку на пол возле своей двери. Звук был твердым, решительным.

— Двинься.

Я послушно, как запрограммированный робот, отползла в сторону, прислонившись спиной к стене. Он достал телефон – дорогой, последней модели, – быстрым движением пальца разблокировал, нашел что-то в контактах. Позвонил. Говорил лаконично, по-деловому: «Да, Шереметьевская, 24, корпус «Б», подъезд 3. Квартира 181. Срочно. Замок цилиндрический, немецкий. Да, двойной тариф, только приезжайте быстрее». Положил трубку.

— Будут не раньше чем через сорок минут, если не застрянут в пробках. А ты тут, на кафеле, замерзнешь насмерть. Вставай.

— Куда мне вставать? — огрызнулась я, но это прозвучало жалко, без запала. У меня не было сил даже на злость. Было стыдно и безнадежно.

Он постоял, глядя на меня сверху вниз, его лицо было в тени от света бра на стене. Потом неожиданно, резким движением расстегнул свое пальто, сбросил его с плеч и накинул на меня. Тяжелая, теплая, пахнущая дорогой шерстью и... им ткань накрыла меня с головой. Я ахнула, инстинктивно закуталась в него. Оно было не просто теплым – оно было ГОРЯЧИМ от его тела, пропитанным его запахом – морозной свежестью, кожей, древесными нотами парфюма и чем-то неуловимо своим, мужским. От этого запаха у меня перехватило дыхание, а сердце совершило нелепый кульбит где-то в районе желудка.

— Спасибо, — выдавила я, голос дрогнул.

— Не за что. Ты же меня, можно сказать, с того света подняла своим бульоном и ромашкой, — он усмехнулся, но в усмешке не было насмешки. Была какая-то усталая благодарность. Потом он прищурился, переводя взгляд с меня на мою дверь. — Слушай, а балконная дверь у тебя закрыта на щеколду?

Вопрос был настолько неожиданным, что я на секунду отвлеклась от своего горя.

— Не знаю... Вроде нет. Утром проветривала, могла и не закрыть... А что?

— А наши балконы. Они рядом. Соседние.

Мы оба молча посмотрели на его дверь, потом на мою, как будто рентгеновским зрением пытались увидеть планировку. Одна и та же безумная, бредовая мысль сверкнула, как молния, и в моей голове, и, судя по внезапно загоревшемуся взгляду, в его.

— Ты с ума сошел! — выдохнула я первой, в ужасе. — Это восемнадцатый этаж, Кирилл!

— Расстояние между парапетами – максимум шестьдесят сантиметров. Я в спортзале на турнике подтягиваюсь с дополнительным весом в двадцать кило. Это – раз плюнуть.

— Ты только что с температуры в сорок слез! Ты еще слабый!

— Я здоров как чертов бык, исключительно благодаря твоим кулинарным талантам и тотальному контролю. А сидеть тут, на полу, и ждать какого-то левого слесаря, который содрет с тебя пять, а то и семь тысяч, – это не рационально. Дай-ка я гляну.

Он не стал ждать моего разрешения – да я и не могла бы его дать, язык онемел от ужаса. Он вышел на лестничную клетку, распахнул тяжелое оконце, ведущее на технический выступ

и дальше на его балкон. Ледяной ветер, полный колючего снега, ворвался в теплый подъезд, закружил бумажки. У меня сердце просто остановилось.

— Кирилл, НЕТ! — крикнула я, выскакивая за ним. Ноги были ватными. — Я заплачу! Сколько угодно! Лучше заплатить, чем... чем ты!

— Скучно – платить, — бросил он через плечо, уже переступая через раму. — Интересно – рисковать. Сиди тут.

Я, дрожа всем телом, прильнула к холодному оконному проему. Он сбросил пиджак, оставшись в том самом тонком темно-сером свитере, который так обтягивал его торс. Подошел к перилам своего балкона, оценивающе провел рукой по перекладине, скинул накопленный снег. Расстояние действительно казалось небольшим – но внизу, в желтоватом свете фонарей, коварно поблескивал утрамбованный снег и асфальт, восемнадцать этажей абсолютной пустоты ниже. У меня в горле встал ком.

Он легко, с какой-то хищной грациозностью, перекинул ногу через перила, нашел опору носком ботинка на узком карнизе под ним. На мгновение он завис, зацепившись только пальцами за мой балконный поручень, его тело напряглось в дуге, четко обрисовав каждую мышцу спины и плеч под тканью свитера. Я вскрикнула, вцепившись в косяк так, что пальцы онемели. Потом – мощное, тигриное движение: он подтянулся на одних руках, взмахнул второй ногой и буквально перекатился через мои перила, мягко приземлившись на моем балконе в полуприседе.

Весь этот смертельный танец занял, может быть, двенадцать секунд.

Он обернулся, отряхивая ладони от снега, поймал мой взгляд из окна. И... улыбнулся. Широко, бесстыдно, торжествующе. Потом сделал театральный, чуть небрежный поклон, как циркач после сложнейшего трюка. Мое сердце, замершее было, начало биться с такой силой, что я услышала стук в ушах. Потом он повернулся, потянул ручку моей балконной двери. Она поддалась. Он открыл ее и скрылся в темноте моей квартиры.

Следующая минута растянулась в вечность. Я слышала только вой ветра и бешеный стук собственного сердца. Потом – звуки из моей квартиры: шаги по паркету, щелчок выключателя в прихожей. И наконец – поворот ключа в замке.

Моя входная дверь открылась изнутри.

На пороге стоял он. Дышал немного учащенно, изо рта шел пар. В протянутой руке, как самый дорогой трофей, лежали мои ключи – связка с синим флеш-брелоком в виде котика. Его глаза горели диким, ликующим азартом, в них плясали чертики.

— Войско Наполеона, — произнес он торжественно, чуть хрипло от напряжения, — вступает в покоренный Париж. Ключи города, мадемуазель.

Я просто стояла. Ноги не слушались. Потом по лицу разлилось тепло, и я поняла, что плачу. Не рыдаю, а просто текут слезы – тихие, облегченные, смывающие весь стресс, весь ужас, всю накопленную за эти дни невероятную усталость. Я закрыла лицо ладонями.

— Эй, эй, эй, — его голос прозвучал совсем рядом, мягче. Он шагнул ко мне, его руки неуверенно легли мне на плечи, потом одна переместилась на затылок, грубовато-нежно прижимая мое лицо к его свитеру. Я почувствовала запах снега, холода и его кожи. — Все, все хорошо. Ключи есть. Дверь открыта. Тепло. Не плачь, ладно? Не стоит оно того.

— Я не плачу, — всхлипнула я в его грудь, голос предательски дрогнул. — Это... ты полный идиот! Ты мог убиться! Ради каких-то ключей!

— Но не убился. Зато сэкономил тебе кучу нервов и кучу денег. Теперь ты мне должна, — его голос зазвучал прямо над моим ухом, низко, почти интимно.

Я отстранилась, вытирая лицо рукавом его же пальто, которое все еще было на мне.

— Должна. Чем? Своей жизнью?

— О, это слишком пафосно. Начни с малого. Ну, например, накорми. Я эти твои котлеты, которые мама передала, уже час как нюхаю через стену. Не могу работать, слюнки текут. Это самая изощренная пытка.

Так он оказался на моей кухне. А я – здесь, в гостиной, пишу этот дурацкий, спасительный дневник, пока он доедает последнее, что осталось от маминых запасов, и, кажется, наводит порядок на моей же территории. Я слышу, как он открывает и закрывает шкафы, включает воду. Сюрреализм уровня Дали.

Я глубоко вздохнула, закрыла потрепанный блокнот и, словно на эшафот, направилась на кухню.

Он стоял спиной у раковины, вытирая насухо последнюю тарелку. Его спина, широкая и сильная в обтягивающем свитере, была ко мне. Он что-то насвистывал. Ту самую мелодию из Rammstein, на которой так безбожно срывался в первую ночь, но сейчас она звучала легко, почти нежно.

— Спасибо, — сказала я тихо, останавливаясь в дверном проеме.

Он обернулся, отложил полотенце.

— Взаимно. За бульон, который был лучше любого лекарства. И за котлеты. Они, я не шучу, божественны. Передай маме респект и уважуху.

— Передам, — я села на барный стул у острова, чувствуя себя гостьей в собственном доме. — Ты... как ты это сделал? Так легко. Будто ходишь по балконам каждый день.

Он пожал плечами, прислонился к столешнице, скрестив руки. Мышцы плеч плавно вырисовались под тканью.

— Привычка. В детстве, в пионерлагере, все крыши обходил. Потом в универе – квесты такие были, экстремальные. А в Калифорнии... там и не такое делал, чтобы выплеснуть адреналин. — В его зеленых глазах мелькнула тень, быстрая, как тучка над полем, но он тут же спрятал ее. — Не советую повторять. Лучше заведи привычку класть ключи в определенный карман. Или пришей их к штанам.

— Сделаю выводы, — я попыталась улыбнуться. Получилось натянуто, но он ответил короткой улыбкой. — Чай будешь? Кофе? Я хоть чем-то могу отплатить.

— Чай. Только, умоляю, не ромашковый. От него у меня уже условный рефлекс – начинаю чувствовать себя беспомощным пациентом.

Я встала, чтобы поставить чайник. Прошла мимо него – близко, чувствуя исходящее от него тепло. Наша кухня вдруг показалась очень маленькой. Пока я возилась с чашками, заваркой, он молча наблюдал. Его взгляд был физически ощутим – тяжелый, внимательный.

— Так почему все-таки Лос-Анджелес? — спросила я, наливая кипятка в заварочный чайник. Голос звучал более уверенно, чем я чувствовала. — Не «стажировка-карьера». По-настоящему. Ты же мог остаться. Продал стартап, значит, были деньги. Что потянуло обратно в этот... морозный ад?

Он взглянул на меня, оценивающе, будто решая, сколько правды можно выдать.

— А что потянуло тебя в отдельную квартиру? — парировал он. — Не «инвестиция в самостоятельность». По-настоящему.

Я замерла с чайником в руке. Он ловко поймал мяч и перебросил его обратно.

— Чтобы дышать, — выдохнула я честно. — Чтобы не быть «дочкой» в офисе и «девочкой» дома. Чтобы по утрам не видеть на своем столе список «перспективных женихов» от мамы. Чтобы можно было включить музыку, которую я хочу, или сидеть в тишине. Просто чтобы быть собой. Даже если эта «себя» пока не до конца понятна.

Он медленно кивнул, как будто мой ответ что-то прояснил для него.

— Чтобы забыть, — сказал он наконец, глядя не на меня, а куда-то в пространство за моим плечом. — Чтобы стереть старую пластинку. Здесь... здесь было слишком много всего. Предательство не просто девушки. Лучшего друга и партнера в одном лице. Крах общего дела,

которое было больше, чем бизнес. Ощущение, что все, во что верил, – иллюзия. Уехал, чтобы начать с чистого листа. Где никто не знает твоего прошлого, не смотрит с жалостью или злорадством.

— И не получилось?

— Получилось. На время. Я стал другим. Более жестким, циничным, эффективным. Но лист никогда не бывает по-настоящему чистым, Настя. Под ним всегда проступают старые контуры. И однажды звонок отца: «Сын, у нас проблемы. Серьезные. Твой дядя...» И ты понимаешь, что твое бегство – это детская игра. Что есть долг, пусть и несправедливый. Что ты нужен здесь, чтобы разгрести чужие, но ставшие твоими, проблемы. Вот что потянуло обратно. Не страна. Обязательство.

Он говорил без пафоса, даже с некоторой горечью. И в этот момент он был абсолютно настоящим. Без брони, без кривляний. Просто уставший мужчина, загнанный в угол обстоятельствами. Моя злость, мои обиды на его ночные концерты как-то разом померкли, растворились в этом горьком признании.

— И квартира здесь? — спросила я, ставя перед ним чашку.

— Клетка. Золотая, в центре. Но клетка. Подарок отца, с негласным условием: «Будь рядом. Работай на семейное». — Он взял чашку, обжег палец, поморщился. — А тут еще соседка сумасшедшая со сковородкой подоспела. Думал, с ума сойду от этой комедии.

— Зато не соскучишься, — не удержалась я.

— Точно не соскучишься, — он встретил мой взгляд, и в углах его глаз залегли смешинки. — Особенно когда тортом по лицу получаешь. Это, кстати, был «Наполеон» от «Пушкин»?

— От «Буше».

— Дорого. Обидно. Вкусно.

Мы рассмеялись одновременно. Напряжение, висевшее в воздухе с момента его балконного подвига, лопнуло, как мыльный пузырь.

— Прости, — неожиданно сказал он, уже серьезнее. — За первую ночь. За гитару. Я был пьян. Не от алкоголя. От злости на весь мир. Вымещал на струнах. И на твоём покое.

— А за вечеринку? И дрель с мячом?

— А это уже месть. Чистой воды. Ты начала, сковородкой. Я ответил. По-мужски. Тупо, по-детски, но по-мужски.

— По-идиотски.

— Это не исключает предыдущего определения.

Я смотрела на него, на его лицо, освещенное мягким светом кухонной люстры. Без бравады, без защитной маски цинизма, он был чертовски... человеческим. И привлекательным в этой человечности. Опасная мысль.

— А что играл? Ту ночью? Если не секрет.

— Пытался вспомнить соло из «One» Metallica. Не вышло. Руки не слушались, в голове стоял гул. — Он поморщился, как от неприятного воспоминания. — Сейчас бы не стал.

— Почему? Испугался сковородки?

— Потому что теперь я знаю, что за стеной спит не абстрактная «истеричка», которая портит мне жизнь, а Настя. Которая варит спасительный бульон, забывает ключи, пишет что-то в блокнот с таким сосредоточенным и трогательным видом, будто решает судьбы миров.

Я вздрогнула, чай расплескался.

— Ты видел? Дневник?

— Мельком, когда за ключами в прихожую зашел. Лежал на тумбе, открытый. Не читал, клянусь, — он поднял руку, как в клятве, но в глазах читалось лукавство. — Успел увидеть только «дорогой дневник» и мое прозвище, которое тебе, видимо, очень нравится. Что там еще? «Потрошитель»? «Нелюдь»?

— «Гаденыш» было, кажется, — смущенно пробормотала я, краснея. — И «упырь воскресший».

— О, лестно, — он рассмеялся, и звук был таким живым, теплым, что у меня по спине пробежали мурашки. — Значит, дневник – это способ не сойти с ума?

— От всего. От переезда, от одиночества, от давления, от... хама за стеной.

— Теперь уже не хам, надеюсь? — спросил он, и в его голосе прозвучала нотка неуверенности, которую я раньше в нем не слышала.

— Пока еще не решила. Но... кандидат на реабилитацию.

Он кивнул, отпил чаю.

— Мне бы тоже не помешало. Только я бы, наверное, весь изматерился. Или писал бы код.

— Ты и правда программист? Я погуглила. KortexAI.

— Бывший программист. Теперь, по большей части, управленец-кризисный менеджер для семейного бизнеса. Скучнятина. — Он поморщился. — А ты? «Работаю на отца» – это как? Тебя гоняют?

— Не гоняют. Но... ждут. Все время. Ждут, что я буду идеальной. Приму эстафету. Выйду замуж за правильного человека. Стану частью системы. Иногда кажется, что эта квартира – единственное место, где я могу быть не идеальной. Глупой, забывчивой, злой. Могу швырнуть торт в соседа.

— И сосед это ценит, — серьезно сказал он. — Идеальные люди – самые скучные и ненадежные. У них нет стержня. Они ломаются при первом же настоящем давлении. А ты... ты не сломалась. Ты ответила сковородкой. Это достойно уважения.

Его слова застали меня врасплох. Никто никогда не говорил мне ничего подобного. Для всех я была «папиной дочкой», «милой Настей». А он увидел бойца. Пусть и с комичным оружием.

— Расскажи про Штаты, — попросила я, чтобы скрыть смущение. — Не про работу. Про жизнь.

И он рассказал. Не про встречи с инвесторами, а про смешное и нелепое. Про то, как в первый день купил гигантский пикап, потому что «так тут все ездят», и потом неделю не мог припарковаться. Про соседа-калифорнийца, который каждый день предлагал ему заняться серфингом и «найти себя в гармонии с океаном». Про тоскливое совершенство супермаркетов, где даже яблоки все на одно лицо. Про ночные поездки по пустынным хайвеям под грохот грузовиков, когда чувствуешь себя песчинкой в огромном, равнодушном механизме. Говорил он легко, с самоиронией, и я ловила себя на том, что смеюсь. Искренне, от души. И забываю, что это тот самый человек, от которого я хотела вызвать полицию.

А потом он спросил про меня. Не поверхностно. Он копал глубже. Про учебу: «А что тебе нравилось, а что было в тягость?» Про работу с отцом: «Он тебя слушает? Или просто делает вид?» И наконец, осторожно, про то, что я обмолвилась вчера – про предательство.

— Не обязательно, если не хочешь.

— Хочу, — сказала я сама себе удивляясь. И выложила. Всю постыдную историю. Как я три года встречалась с одноклассником Артемом. Как мы планировали будущее. Как моя лучшая подруга Лера всегда была рядом, утешала после наших ссор, знала все наши секреты. И как я застала их вместе в его машине у нашего общего гаража. Не в пылу страсти, а просто – они сидели, курили, смеялись над какой-то шуткой про меня. И в этот момент я поняла, что была третьей в своих же отношениях. Не физически, может, но эмоционально – точно. Опора рухнула разом.

Я говорила тихо, глядя в чашку, и удивлялась, что голос не дрожит. Видимо, время сделало свое дело. Или его спокойное, безоценочное присутствие.

Когда я закончила, он молчал секунд десять. Потом резко, почти грубо, сказал:

— Идиоты. Оба. Полные, законченные кретины. Он – потому что был слеп и не ценил того, что имел. Алмаз принял за стекляшку. Она – потому что предала самое священное, что есть между подругами – доверие. Ты им ничего не должна. Ни злиться до сих пор, ни оправдывать, ни вспоминать. Просто вычеркнуть. Как спам. Как ненужный файл.

— Легко сказать, — повторила я свою старую мантру.

— А я и не говорю, что легко. Я говорю, что это единственный здоровый выход. Иначе они будут жить у тебя в голове, как зловредные программы, съедая ресурсы. Ты заслуживаешь чистого диска, Настя. И нового, качественного софта.

Эта его IT-аналогия была такой нелепой и в то же время точной, что я не могла не улыбнуться.

— С соседями-вирусами я, кажется, начинаю разбираться.

— Один сосед-вирус, — поправил он, и в его глазах вспыхнул знакомый огонек. — И тот, кажется, добровольно сдает позиции. На время карантина, по крайней мере.

Он посмотрел на свои часы – дорогие, механические, – и ахнул.

— Черт, уже половина первого. Мне пора. Завтра, вернее, сегодня, в восемь утра – разбор полетов с отцом. Нужно хоть пару часов поспать, чтобы не уснуть у него на столе.

Он встал, отнес свою чашку к раковине, сполоснул ее и поставил в сушку. Этот простой, бытовой жест в моей кухне смотрелся невероятно интимно.

— Спасибо. За чай. И за... компанию, Настя. — Мое имя в его устах снова прозвучало как нечто ценное, обжигающее.

— Спасибо тебе, Кирилл. За... за все. За балконный десант особенно. Я буду вечно в неоплатном долгу.

— Вечность – это долго. Я подумаю, как ты сможешь его отработать, — он улыбнулся, уже стоя в дверном проеме в прихожую. — Спокойной ночи. И запомни – балконная дверь на щеколду. И от таких, как я, защищает, и от холода.

— От таких, как ты, кажется, не защищает ничего, — сорвалось у меня, прежде чем мозг успел процenzурить фразу.

Он замер, повернувшись ко мне. Его взгляд стал пристальным, пронзительным, темным. Он медленно прошелся по моему лицу, остановившись на губах, потом снова поднялся к глазам.

— Это комплимент? — спросил он тихо.

— Это констатация факта, — прошептала я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Приму к сведению. Спокойной ночи, соседка.

Он вышел, тихо, но четко щелкнув замком своей двери. Я осталась одна в прихожей, в полной тишине, нарушаемой только тиканьем часов. Но ощущения пустоты и одиночества не было. Была тихая, тревожная, сладкая и очень опасная взволнованность. Квартира была наполнена им. Не звуком, а присутствием. Его смехом, его словами, его запахом, все еще витавшим на его пальто, которое так и висело на моем плече. И его взглядом, который, казалось, все еще жёг мне кожу.

Я сняла пальто, повесила его на вешалку, как драгоценную реликвию. Потом подошла к большому окну в гостиной, прижалась лбом к холодному стеклу. Метель не утихала, завораживая своим бешеным, белым танцем. Но внутри было тепло. Слишком тепло. То самое тепло, от которого тает лед и просыпаются спящие вещи. Опасное, запретное тепло, исходящее от человека, который был моей полной противоположностью – хаотичный, где я стремилась к порядку; рискованный, где я искала стабильность; циничный, где я была наивной. И в то же время... свой. Как будто я нашла потерянную, дикую, настоящую часть себя, которую всегда держала под строгим замком.

Война, определенно, была окончена. Никакого перемирия. Это было нечто новое. Незнакомое. И я, экономист, любитель планов и прогнозов, понятия не имела, как с этим быть. Страх и предвкушение сплелись в один тугой узел где-то под сердцем.

В своей квартире Кирилл стоял, прислонившись спиной к своей стороне той самой, некогда проклятой, стены. Ладонь лежала на гладких обоях, пальцы слегка вдавливались в поверхность, как будто он мог почувствовать биение пульса или тепло с той стороны. Он слышал сквозь бетон и утеплитель не звуки, а саму тишину – настороженную, густую. Потом – легкие шаги, шорох ткани.

Он не планировал никакого балконного десанта. Это была чистая, безрассудная импровизация, рожденная в момент, когда он увидел ее, сжавшуюся в комок на полу. Не соседку. Не врага. Девочку. Испуганную, замерзшую, проигравшую битву с собственной неловкостью. И что-то в нем, глубоко и давно, сжалось от боли. От желания исправить, защитить, сделать хорошо. Та самая часть, которую он считал похороненной под тоннами прагматизма, злости и разочарования.

И вечер... Вечер был не просто приятным. Он был откровением. Она оказалась не просто «истеричкой с тортом». Она была умной, чуткой, ранимой и при этом невероятно сильной. Она слушала не просто ушами – всем существом. И задавала правильные вопросы. Те, что били в цель. И смеялась его шуткам – не вежливо, а искренне. И рассказывала свои истории – не для того, чтобы вызвать жалость, а потому что доверяла. Впервые за долгое время он говорил не как Кирилл Орлов, успешный IT-шник, а просто как Кирилл. И это было... освобождением.

Она была правильной. Не в смысле «идеальной». А в смысле – настоящей. Стержень в ней чувствовался, крепкий, несмотря на всю ее внешнюю хрупкость. Такая не сломается. Такая выстоит. И в ней была какая-то чистота, которой ему так не хватало в его мире сделок, долгов и предательств.

Он был очарован. Глубоко и серьезно. И это пугало его гораздо больше, чем любая бизнес-рискованная сделка. Потому что тут он не контролировал переменные. Потому что тут можно было проиграть не деньги, а что-то гораздо более важное.

Его телефон, лежавший на комод, завибрировал, разрывая тишину. Он взглянул. Сообщение от отца: «Завтра в 8:00 у меня. Будь готов отчитаться по всем пунктам. Особенно по долям дяди. Не опаздывай.»

Холодная, безжалостная реальность, как удар хлыста. Долги, обязательства, грязное белье семьи, которое ему предстояло стирать. Игра, в которой он был не игроком, а разменной пешкой с хорошей стартовой позицией. А там, за двадцать сантиметров бетона, была... отдушина. Яркая, живая, непредсказуемая. Опасная тем, что могла стать смыслом. А смыслы в его нынешней жизни были непозволительной роскошью. Они отвлекали. Делали уязвимым.

Он написал в ответ отцу коротко: «Буду.» И отправил. Взвесил телефон в руке. Потом открыл новый диалог. Вбил номер, который подсмотрел сегодня на ее визитке, лежавшей рядом с дневником.

Его пальцы замерли над клавиатурой. Что написать? «Спокойной ночи»? Банально. «Спасибо за вечер»? Слишком формально. Он хотел оставить что-то. Связь. Намек. Якорь.

Он набрал коротко и, как ему показалось, с правильной долей небрежности:

Кирилл: Мое пальто оставь пока у себя. Как залог. Чтобы знала – я еще вернусь его забрать.

Он не стал ждать ответа, выключил экран и положил телефон. Но знал, что не уснет. Будущее, еще вчера представлявшееся ему прямой, унылой дорогой с известным концом, вдруг раздвоилось. Одна тропа – серая, изматывающая, известная. Другая... другая была залита

странным светом и вела в неизвестность. И обе они, так или иначе, вели к ней. Одна – через продолжение войны, теперь уже с другим, более сложным оружием. Другая... другая вела через разрушение всех его защитных барьеров, через признание в том, что эта девчонка со сковородкой за несколько дней всколыхнула в нем больше, чем все за два года в Калифорнии.

Сердце, упрямое и глупое, уже выбрало путь. И этот путь лежал не через войну. Он лежал через то, чтобы снести стену. Не физически. Ту, что была внутри него. И, возможно, помочь ей снести ее собственную.

Он лег в постель, уставившись в темноту потолка. И впервые за много месяцев мысль о завтрашней встрече с отцом не вызвала в нем ничего, кроме легкого раздражения. Потому что главное событие завтрашнего дня было уже здесь, за стеной. И оно пахло клубникой, чаем и надеждой.

Глава 5

Дневник Анастасии. 28 декабря, 23:15.

Дорогой дневник, мое сердце — это сейчас помятая бумажка, которую кто-то то разглаживает дрожащими пальцами, то снова сжимает в кулак. Я не узнаю себя. Я, Анастасия Соколова, всегда державшая эмоции в железном сейфе профессиональной выдержки, разваливаюсь по швам из-за соседа. Из-за его сообщения.

«Пальто мое оставь пока у себя. Как аманат. Чтобы ты знала — я вернусь.»

Оно пришло в 7:32 утра. Я еще лежала в постели, ворочаясь после почти бессонной ночи, где сны смешивались с воспоминаниями: его горячий лоб под моей ладонью, тяжесть его руки на талии, звук его смеха на моей кухне. Телефон завибрировал на тумбочке. Я увидела имя — просто «Кирилл» — и сердце рванулось в горло.

Я читала и перечитывала эти две строчки, пока буквы не поплыли перед глазами. «Аманат». Залог. Он оставил мне не просто вещь. Он оставил часть себя, повод, причину вернуться в мое пространство. Не как захватчик, а как... гость. Желанный. Он словно протягивал веревку через пропасть нашей войны, и я уже держалась за нее всеми силами.

Весь день на работе я была не в себе. Отец, заметив мою рассеянность, даже отложил разбор одного сложного контракта. «Ты не в ресурсе, дочка. Может, взять выходной?» Выходной. Чтобы сидеть в квартире и прислушиваться к стене? Нет уж. Лучше уж цифры и параграфы, они не смотрят на тебя зелеными глазами и не оставляют «аманатов».

Но даже в цифрах я видела его. В процентной ставке — его саркастичную улыбку. В пункте о форс-мажоре — его безумный балконный прыжок. Я ловила себя на том, что улыбаюсь пустому экрану, а потом краснела, будто меня поймали на чем-то постыдном.

И вот я вернулась. Специально купила его любимое печенье (заметила пачку на его кухне) и дорогой кофе, какой пили в Штатах. Глупость. Желание продлить то мирное вечернее перемирие. Я уже строила в голове дурацкие планы: постучать, сказать «спасибо еще раз», предложить кофе... как соседка. Просто как соседка.

Я услышала голос, еще не доходя до своей двери. Женский. Через приоткрытую дверь его квартиры. Мое тело похолодело, будто меня окунули в ледяную прорубь. Все теплые, глупые надежды разбились в одно мгновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.